

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

У истоков московских историко-политических идей XV в.

В России идеи об особой исторической миссии государства более всего были в ходу в конце XV—XVII в. Однако корни их уходили в более далекие времена и до сих пор еще недостаточно прослежены.

Известен афоризм В. О. Ключевского, что чувства народа в момент образования национального великорусского государства «выразили тогдашние органы московской публицистики — летопись и юридивый».¹ Конечно, эта формула неполна, и арсенал средств русской публицистики был куда шире. Но столь же несомненно, что именно на страницах летописи в наиболее четком виде кристаллизовались нарождавшиеся и получавшие распространение историко-политические идеи своего времени. Поэтому представляется полезным рассмотреть ход формирования этих идей на материале московского летописания XV в.

Характерной чертой московских сводов было включение в их состав многочисленных исторических сказаний и повестей. В отборе этих повестей, в характере и степени их использования отчетливо проявлялись собственные позиции составителей сводов, их идейно-политическое кредо. И как раз при посредстве этих повестей проникли в летопись новые взгляды о месте Московского княжества в ряду русских земель и об исторической роли великокняжеской столицы — Москвы.

Повесть о нашествии Едигея на Русь, включенная в митрополичий свод 1409 г., рассказывала о том, как Едигей потерпел неудачу у стен Москвы «в день, в оный же празднуют память преставления Петра митрополита, новаго чудотворца рускаго». Автор повести писал: «Мню бо, яко и того молитва еже к господу богу избави люди и град от толикаа нужи и беды, належащаа на них; еже бо в животе своем превозлюби град свой паче всех град». И далее: «Сему граду и людем, сущим в нем, дасть бог сицевого святителя заступати и спасати могоуща от всех злых, находящих на нас».²

Так на глазах у современников, только что переживших нашествие Едигея, создавалась легенда о покровительстве национального святого городу Москве. И недаром «Повесть о Едигее» прочно вошла в тот круг литературных произведений, которые на протяжении XV—XVI вв. переходили из одного летописного свода в другой.³

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1937, стр. 120.

² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 470.

³ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 97; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 239; т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 177; т. VIII, СПб., 1859, стр. 85; т. XI, М., 1965, стр. 209.

«Владимирский полихрон», созданный при митрополичьем дворе в конце первой четверти XV в., включил, наряду с «Повестью о Едигее», другие исторические повести, сложенные незадолго до этого.⁴ В повести о побойше на Дону,⁵ в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича»⁶ отчетливо ощущаются ноты общерусского патриотизма и вместе с тем выделена роль московского князя, личность которого окружена священным ореолом.⁷

Особо следует сказать о вошедшей в «Полихрон» «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша», созданной в конце XIV в.⁸ Используемый в «Полихроне» вариант этой повести содержит восторженное славословие в честь великокняжеской столицы: «град велик, град чуден, град многочеловечен, в нем же множество людей, в нем же множество огосподства».⁹

И все же, при всей промосковской направленности митрополичьих сводов первой половины XV в., они еще не шли дальше простого восхваления Москвы, ее князей и «святых покровителей». Содержание этих сводов не подтверждает распространенное в дореволюционной и современной зарубежной литературе мнение о том, что главным толчком к возникновению официальной идеологии Московского царства явилось фактическое установление автокефалии русской церкви после Флорентийской унии и падения Византийской империи.¹⁰ Летопись тех лет отозвалась на эти события лишь весьма краткими известиями. А тот комплекс историко-политических идей, который открыл собой новую фазу в формировании идеологии русского централизованного государства, появился в летописных сводах не в сороковых годах (после Флорентийской унии) и не в пятидесятых (после взятия Царьграда турками), а лишь в семидесятых годах XV в.

Этот сдвиг в идейном содержании летописей был связан прежде всего с крупными переменами во внутренней жизни России: ведь оба новых великокняжеских свода семидесятых годов (1472 и 1479 гг.) появились по свежим следам новгородских походов Ивана III, сразу же после окончательного присоединения Новгорода к Московскому государству. И именно в рассказах об этих походах впервые с полной силой прозвучала мысль о единстве исторического процесса на территории Руси — с киевской поры до современной автору эпохи.¹¹

В соответствии с духом того времени мысль эта приняла форму утверждений о единстве правящей династии. Летопись передает мнение Ивана III о том, что новгородцы (так же как и остальные жители Руси) «от Володимера даже и до сего дни его род знали един и правилися всем

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 157.

⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 311—322; т. XXVII, стр. 71—76.

⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 351—366; т. XXVII, стр. 82—87.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 91; А. В. Соловьев. Епифаний как автор «Слова о житии Дмитрия Ивановича». — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 102.

⁸ М. И. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. 7, М., 1951, стр. 211.

⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 336; т. XXVII, стр. 79; т. XVI, СПб., 1889, стр. 127; т. XXVI, стр. 150.

¹⁰ М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1899, стр. 60; Н. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929, стр. 15; С. Goumanoff. Moscow the third Rome. — The Catholic historical review, 1955, vol. 40, № 4, стр. 435.

¹¹ Вне летописной традиции эта тема развивалась и ранее. См.: Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 11.

великим князем о всем, прежде Киевским, потом же Володимирским». ¹² Это утверждение, трижды повторенное в своде 1472 г., ¹³ развивается еще подробнее в своде 1479 г., рассматривающем как единое целое весь отрезок русской истории — «от начала, как и земля их стала, и как великии князи учали быть от Рюрика на Кieve и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича». ¹⁴ Таким образом, линия исторического развития государства на Руси представлялась прямой и непрерывной, ¹⁵ что в глазах тогдашних людей свидетельствовало о значительности государства и являлось надежным залогом его будущих успехов.

Русская земля объявлялась — в духе норм феодального государственного права — «вотчиной» великого князя, и присоединение Новгорода рассматривалось как возвращение в состав «вотчины» одной из ее составных частей: великий князь «отчину свою Великий Новгород привел на всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве». ¹⁶

По мнению Я. С. Лурье, в подобной трактовке присоединения Новгорода «сказался консерватизм официальной московской идеологии», поскольку это присоединение «нигде не трактуется в великокняжеских сводах как принципиально новый шаг в московской политике». ¹⁷ Пожалуй, говорить о «консерватизме» в данном случае вряд ли уместно: скорее следует сказать об умелом и понятном для современников идеологическом обосновании важного политического шага. На этом примере особенно ясно видно, как «теория киевского наследства становилась все более совершенным оружием в руках русского правительства». ¹⁸

Московские власти вынуждены были заботиться не только об оправдании своего централизаторского курса, но и о том, чтобы противостоять растущей политической силе Литвы. О серьезности ситуации свидетельствовала попытка новгородского боярства пойти «под руку» литовского князя. Еще свежа была память о пролитовских настроениях в правящих кругах бывшего Тверского княжества. Росту авторитета Литвы способствовало и то, что в 1470 г. константинопольский патриарх утвердил литовского митрополита в сане «митрополита всея Руси», поставив тем самым под сомнение правомочия московского церковного владыки.

Правительству Ивана III важно было придать Москве такую притягательную силу, которая перевесила бы любое стремление уйти из-под ее власти. И вот в русле московской официальной идеологии начинают развиваться идеи, появлявшиеся до сих пор лишь в неофициальных памфлетах церковного происхождения.

В великокняжеский свод 1479 г. вошла статья «О Сидоре митрополите», использовавшая русские сочинения 1440—1460-х годов о Флорентийском соборе. В этой статье отчетливо выражена мысль о том, что Царьград утратил свое бывшее благочестие ¹⁹ и центр мирового православия переместился в Россию. ²⁰ Еще более четко проводится эта идея в своде

¹² ПСРЛ, т. XXVII, стр. 131.

¹³ Там же, стр. 130, 132.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 253; т. XXV, стр. 309; т. XXVI, стр. 256.

¹⁵ А. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М., 1957, стр. 89.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 265; т. XXV, стр. 322.

¹⁷ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 322.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946, стр. 40.

¹⁹ См.: «Царь же и патриарх православия в прелести Латынских ересей впадошася, в сети злата для увязнувшие, погыбоша ... Бога отлучишася и с Латиною съединишася» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 184; т. XXV, стр. 257).

²⁰ См.: «Въсточнии земли суть Русьстии болшее православие и вышшее христианство Белье Руси» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 178; т. XXV, стр. 254).

1493—1494 гг.,²¹ именовавшем Василия II титулом «в благочестии цветущего царя всея Руси».²²

Придавая Московской Руси черты избранной богом державы, составитель свода 1493—1494 гг. вводит дополнительные детали, призванные усилить авторитет Москвы как великокняжеской столицы. Он старается изобразить дело так, будто Москва не только теперь, но и с давних пор (по крайней мере с прошлого столетия) является могущественнейшим городом Руси, и по-новому редактирует уже цитированную выше фразу из «Повести о Тохтамыше»: «преже бе велик и чуден град и многое множество людей бяше в нем, кыпя же богатством и славою, превзыды же вся грады в Русстех земли честию многою».²³

Таким образом, летописные своды конца XV в. включают целый ряд новых идей о ходе русского исторического процесса, о роли в этом процессе великокняжеской столицы — Москвы и, наконец, о месте России в «православном мире». В дальнейшем круг этих идей значительно расширился, причем по мере развития и углубления московской официальной идеологии стало очевидным известное расхождение тех ее линий, которые поначалу находились в тесной связи друг с другом.

Линия, начавшаяся с пропаганды идеи «киевского наследства», будет продолжена далее в глубь веков и включит в себя легенду о происхождении русских князей от императора Августа и о непосредственной связи России с предшествовавшими великими монархиями — Римом и Византией. Именно эти идеи будут подхвачены московскими правительственными кругами и найдут широкое применение во внутривластной и дипломатической практике.

Другая линия, развивающая мысль о перенесении в Россию центра мирового православия, достигнет своего апогея в идее «Москва — третий Рим» и будет взята на вооружение главным образом духовными иерархами, не оказав заметного воздействия на политическую жизнь русского общества.

Но все это произойдет спустя несколько десятилетий. А в 1470-х годах сделаны были только первые попытки насыщения летописных сводов вновь возникшими историко-политическими идеями, и это положило начало усилившемуся с годами превращению летописи в «чтение для политического воспитания подданных».²⁴

²¹ Датировку свода см.: А. Г. Кравченко. Московский летописный свод 1493—1494 гг. по Беляевскому списку. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 381.

²² ПСРЛ, т. XXV, стр. 260.

²³ Там же, стр. 209.

²⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940, стр. 10.